

Гладь, глубь – «гапки»

> Искусно вышитые работы магнитогорской мастерицы видели лишь немногие

– ВЫШИВКА ГЛАДЬЮ? – удивились в редакции, услышав об искуснице, создавшей целые полотна: гладь – нынче редкость. Но то, что мы увидели, превзошло все ожидания. Кто мог знать, что полотна – диковинка даже не по виду и качеству вышивки, а по технике, темам, сближению с живописью.

Ожидали увидеть традиционные полотенца, салфетки – утилитарный набор. А тут – копии свитков восточных живописцев и каллиграфов. Да и выставочный зал своеобразный: комната в жилой квартире в тихом уголке Ленинского района.

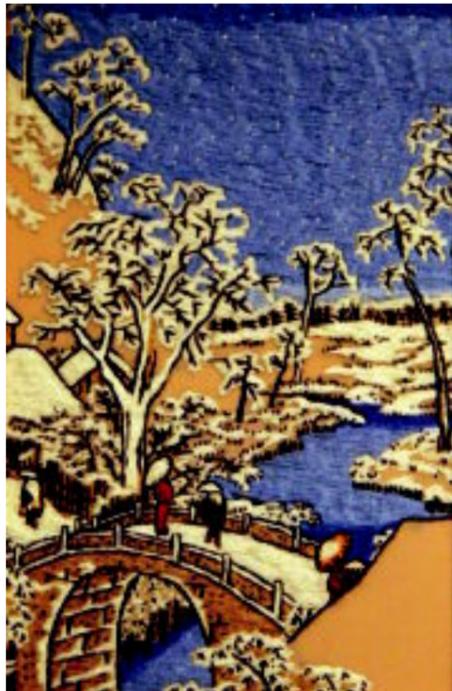
Выставка вышитых полотен – не первая в квартире Натальи Лисиной: у нее острая потребность делиться ощущением жизни. Она не раз экспонировала в своем «салоне» произведения изобразительного искусства, часто с вокальным и музыкальным сопровождением – Наталья Николаевна преподает музыку. Но себя считает только экскурсоводом или хранителем.

– Обо мне – не надо, – просит она.

Экспозиция посвящена творчеству ушедшей из жизни мастерицы Людмилы Трофимовой. Наталья Николаевна распределила темы ее вышивки по циклам и технике. Несколько прозрачных шарфиков с растительными мотивами, стрекозками, бабочками – они не в рамках, можно рассмотреть обратную сторону: все «рисунки» двусторонние, без единого узелка.

Фрагменты японских свитков – репродукции известных изображений: «Богиня Кэнон», «Самурай». Наталья Николаевна не перестает восхищаться чистотой монохромного изображения: картины нитями передают ту же обращенность персонажа в глубь себя, что и картины тушью. Экскурсовод указывает: в восточных традициях поэзия и каллиграфия развивались вместе, и вышитые работы Людмилы Трофимовой, как и восточные первоисточники, словно озвучивают известные строки японской поэзии. «Ах, только удержать бы мне его – того, кто от меня решил уйти», – цитирует экскурсовод к «Плачу о возлюбленном».

Есть здесь иллюстрации к Омару Хайяму, причем в одном из изображений, поясняет Наталья Лисина, лицо их с Люсей общего знакомого – это гладью-то! Цветы – объемные, живописные. Репродукции цветной графики Хиросигэ Андо. Композиции с лошадьми Сюй Бай-Хуна. «Смотрите, какая глубина изображения, – обращает наше внимание хранительница, – здесь переданы два плана: ближний и дальний». Материал все тот же – черная нить на однотонной светлой ткани. Работы-шутки: колода крошечных игральные карт хэнд-мейд, вышитые женские украшения. А еще летящие ангелы, церкви, звезды в небе – нити оказались подвластно любое изображение. Сама

мастерица называла свои вещицы без пиетета: диалектным, бабушкиным – «гапки».

Людмила Трофимова с Натальей Лисиной не были подругами в бытовом понимании – скорее близкими по складу души. Знакомы с Людмилой были давно, встречались нечасто, но поддерживали друг друга словом и советом в мучительные периоды, когда близкие уходили из жизни. Присматривались друг к другу с встречи, куда Наталья Лисина пригласила

друзей познакомиться с поэзией Елены Евгеньевы, пела песни на ее стихи. Однако чтобы сблизиться душой, нужна была особая искра. По

воспоминаниям Натальи Николаевны, Лидия Трофимова, присутствовавшая на встрече с поэзией, «оказалась человеком потрясающей чувствительности – очень тонко ощущала красоту слова». А хозяйке салона подарила в тот день свою вышивку «Олени».

– Она всегда щедро раздаривала работы. После первой же выставки я попросила, чтобы она хотя бы фотографировала их, прежде чем отдать, и записывала – кому.

Эта, последняя по времени, выставка задумана еще при жизни Людмилы Трофимовой, при жизни и должна была состояться. Но вышивальщица к тому времени уже была тяжело больна, знала, что уходит. Умерла – и оказалось: ни одной работы дома – все раздарила. Для выставки их собрали у друзей – вещицы филигранной техники в простых рамках.

И еще беда: никто толком не помнит, как она

работала: такое обычно только сам мастер может обсказать. А ведь она создала собственную технику. Мечтала написать книгу об этом искусстве, но так и не исполнила. Никаких других выставок, кроме организованной Натальей Лисиной, у нее не было. Но ее душевная боль была о другом: не было учеников. Внук как будто тянулся к вышивке, но он мал, его она только начала обучать. Да еще при случайном знакомстве – работала с нитью на скамье у подъезда – обрела взрослую ученицу. Зоя Самодурова – бухгалтер, увлекалась бисерной техникой, вышивкой крестом, а тут гладь, интересно. Но наставница учила ее не только мастерству: поставила условие – вышить и раздать семь шарфов. Ученица так и сделала, но времени на углубленный курс не оставалось: Людмила Трофимова уже завершила земной путь.

Наталья Николаевна знает из рассказов подруги, что та заработала первый трудовень в шесть лет, а вышивала с четырех. В роду были беловейки. Дед – художник, член Российской Академии художеств, стажировался в Европе, а вернулся – и ушел в иконописцы. Люся в разные годы была завлитом в драматическом театре, библиотекарем с крошечной зарплатой – и никогда на бедность не сетовала: знала, что все, что требуется человеку – красота, разлито в природе или может быть создано его руками. Больше ничего не нужно. Тринадцать лет назад ушел из жизни муж – Валерия Михайловича еще помнят в пединституте. Вот это невозполнимо.

Она не умела организовывать быт, довольствовалась малым. Однажды в квартире побы-

вал вор и – не нашел, что украсть. Когда сильно нуждалась – брала заказы в ателье, расшивала платья для состоятельных клиентов. Вряд ли они знали, какого класса мастер исполняет их прихоти, а она не гнушалась мелкой работой, погружалась в нее с радостью. Могла жить без телевизора, но не без магнитофона – когда приходили друзья, включала записи восточной поэзии в музыкальном сопровождении. Круг ее общения – вузовцы, работники театра. В таком окружении можно жить высоким искусством, чужестранной поэзией.

Умирала она трудно, в шестьдесят три. С ней были дочь и сын – Катя и Павел, но перед лицом смерти человек одинок. Ослабев, она стеснялась своего состояния. Чтобы не смущать подругу, Наталья Николаевна визиты заменяла письмами. Когда виделись, читала ей стихи. В последний ее приход Люся едва слышно произнесла: «Спасибо, Наташа». Мастерица ушла из жизни в декабре, но подруге не хочется приписывать воспоминание о ней к поминальной дате: искусство вышивальщицы живо по настроению и близости к природе. Она собиралась изготавливать кукол с лицами друзей, начала вышивать Наташин портрет и все, что мастерица, изначально предназначала для подарков. Наталья Николаевна, вспоминая о подруге, попросила: «Хочется, чтобы Людмила Трофимова в публикации предстала живой»...[☺]

АЛЛА КАНЬШИНА
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ

В жизни и на сцене

Татьяна Акулова

> БЕНЕФИС

В ТЕАТРЕ КУКЛЫ и актера «Буратино» – премьера. Создан спектакль для двоих, история ведущей актрисе, сыграна история любви одной супружеской пары.

Семейные тайны, неурядицы, вечный вопрос – почему ты меня не любишь? Измены, выяснение отношений, страсти в ключья, отстраненный взгляд на происходящее, упрёки, сарказм, чувства напоказ – казалось бы, заурядная итальянская история. Главный режиссер «Буратино» Сергей Ягодкин раздобыл удивительную пьесу удивительного человека и поставил ее на магнитогорской сцене, посчитав, что все происходящее «у них» вполне подходит и нам. Пьеса называ-

ется «Свободная пара», написал ее итальянец Дарио Фо.

У одной из ведущих актрис театра Татьяны Акуловой недавно был красивый юбилей, и Сергей Ягодкин долго искал подходящую пьесу для ее бенефиса. «Свободная пара», как он считает, подошла для этого идеально: играют двое, действие живое, диалоги яркие, сюжет лихо закручен, смешное соседствует с грустным, легкость восприятия дает простор раздумьям. Еще он нашел несколько неожиданных поворотов в материале пьесы, придумал лихую песенку и неожиданное оформление (на сцене действует... вода), а уж игра Татьяны и ее напарника, заслуженного артиста России Александра Анкудинова, по определению не может оставить зрителей равнодушными. Что примечательно: именно в эти дни 28 лет

назад совсем молодые Таня и Саша впервые вышли на эту сцену. Теперь, повзрослевшие, умудренные жизненным опытом, они играют супружескую пару, выставляя напоказ увиденное, прожитое, прочитанное. Это разговор двоих, спектакль-воспоминание и, как оказалось, своеобразное расследование, взгляд со стороны и вопрос: «Что с нами случилось? Пока мы выясняли отношения, жизнь прошла».

«Свободная пара», надо полагать, надолго задержится в репертуаре «Буратино». Спектакль стал последней премьерой этого сезона. Одновременно идут плотные репетиции над «Трехгрошовой оперой» Бертольда Брехта – работа очень затратная по физической, эмоциональной, творческой отдаче. Ею начнут следующий сезон [☺]

АЛЛА ГОГЕЛИАНИ

> Все, что требуется человеку, – красота, создано в природе или добрыми его руками